

Борис Юстинович Норман
(Белорусский государственный университет)

Функционализм в языке, в лингвистике и в лингводидактике

Функционализм представляет собой, можно сказать, наиболее мощную идеологию языкознания в XX и в наступившем XXI веке. Ни компаративистика, ни структурализм, ни генеративная грамматика такого всеобъемлющего влияния не имели и не имеют. Функциональный подход к языку часто связывают с определенным направлением, или даже школой, в лингвистике – прежде всего с деятельностью Пражского лингвистического кружка. Имеются в виду работы В. Матезиуса, Р.О. Якобсона, Н.С. Трубецкого, С.О. Карцевского и др. Но напомним, что и другие лингвистические авторитеты XX века – И.А. Бодуэн де Куртенэ и Е.Д. Поливанов, Ш. Балли и А. Мартине – призывали рассматривать язык именно под углом зрения его функций: для чего он необходим? Какую роль играет в обществе? Почему устроен так, а не иначе? Можно сказать, что основополагающий тезис Пражского лингвистического кружка – «Язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» (Тезисы 1967, 17), – выглядит весьма тривиально: сегодня вряд ли кто-нибудь станет с этим спорить.

За последнее столетие функциональный подход в лингвистике обогатился немалым опытом. Классификационные идеи К. Бюлера и Р. Якобсона, отражающие многообразную роль языка в обществе, получили свое продолжение в многочисленных попытках исчислить и систематизировать языковые функции. При этом предлагалось разбиение на функции первичные и вторичные, внутренние и внешние (латентные и выраженные), на функции языка и функции речи, при этом последние нередко трактовались как функции текста и т.д. (см. в частности: Zawadowski 1966, 79–161; Jachnow 1987, 621–624; Михневич 1985 и др.). Одновременно происходила разработка и уточнение иерархической структуры языка и изоморфизма его уровней: функциональный подход связывал воедино миссии отдельных языковых единиц в общей системе и подчинял их функциям языка как такового. Наследники

Пражской школы выстраивают иерархию языковых уровней таким образом: «Отношение между уровнями языка [...] в направлении вверх – это асимметричное отношение «средство – функция»: функция единиц низшего уровня заключается в том, чтобы быть средством построения единиц высшего уровня. Так, например, уровень морфем представляет собой, с одной стороны, уровень функций фонем, с другой, – уровень средств построения словоформ» (Данеш, Гаузенблас 1969, 16).

Однако сама многозначность термина «функция», очевидно, не способствовала прояснению сути проблемы (ср.: Дресслер 1990, 57–61). Здесь в первую очередь стоило бы напомнить о необходимости различать функционализм как черту самого языка и как лингвистический принцип.

В первом случае перед нами имманентное, системообразующее свойство средства общения, заключающееся в способности множества единиц взаимодействовать таким образом, чтобы обеспечить гармонические отношения индивида и социума.

Функционализм же как лингвистический принцип – это методология, оформившаяся одновременно со структурализмом и во взаимообусловленности с ним (см.: Jachnow 1987, 613). Последний тезис тоже особых возражений вызывать не должен: понимание предназначенности языка и элементов его структуры неотделимо от системного осмысления этой структуры. Вместе с тем, нельзя не видеть того, что функциональный подход в лингвистике – это лишь условное отражение, попытка смоделировать реальные отношения элементов «работающей» языковой системы (обзор таких попыток см.: Furdal 1977, 42–59; Киклевич 1999, 10–39, 68–87; Киклевич 2006; Мустайоки 2006, 107–145 и др.).

Применительно к звуковому уровню языка функциональный подход воплотился, как известно, в учение о фонеме. Фактически вся фонология с ее восходящими к Н.С. Трубецкому идеями функциональной нагрузки фонем, нейтрализации фонологических оппозиций и т.д. – совместное детище структурализма и функционализма.

В применении к грамматическим явлениям лингвистический функционализм реализовался в разработке понятия функционально-семантического поля и его структуры, в создании теории глубинных падежей и семантическом моделировании структуры предложения (заметное место занимают здесь труды российских ученых – Т.П. Ломтева, А.В. Бондарко, В.В. Богданова, Г.Г. Сильницкого и др.). Вехами на данном пути стали варианты описания функционального синтаксиса (в частности, в работах русистов: Г.А. Золотовой, М.В. Всеволодовой и др.) и функциональной морфологии (см. труды И.А. Мельчука, А.А. Зализняка, М.В. Панова, И.Г. Милославского и др.).

Проявлениями функционального подхода в лексикологии можно считать разработку лексических минимумов, создание частотных, грамматических, ассоциативных, интегральных словарей (из российских ученых здесь следует назвать А.А. Леонтьева, Ю.Н. Караулова, Ю.Д. Апресяна, Н.Ю. Шведову, В.В. Морковкина, А.Н. Тихонова, В.Д. Девкина и др.). Наконец, в этом же ряду находится бурное развитие функциональной стилистики, теории речевых актов, прагмалингвистики и лингвокогнитологии.

Значит ли это, что генеральное направление, в котором развивается методология науки, обусловлено самой природой средства человеческого общения? В определенном смысле – да. Можно сказать, что функциональный подход – не только направление и этап в развитии языкознания, но и, по сути, единственная возможность объяснить устройство языка через его предназначение. Иными словами, функциональный аспект придает осмысленность всем условным (а иногда и умозрительным) построениям лингвистов. В этом смысле справедливо утверждение, что «функциональная лингвистика – это и есть, собственно, лингвистика, а функциональная грамматика и есть, собственно, грамматика, потому что без прилагательного *функциональная* абсолютно выхолащивается вся сущность и общественная полезность науки о языке» (Киклевич 1999, 186).

Смысл функционализма как методологического базиса, удобного для систематизации языковых фактов, видят в «идее адаптации языковой системы к биосоциальным особенностям человека и осуществлению им коммуникативного процесса...» (Шелякин 2002, 5; см. еще: Там же, 25–27, 40–49 и др.). То, что структура языка обусловлена в первую очередь природой человека, как физической, так и социальной, сомнений не вызывает. Но в подобной «адаптационной» трактовке функционализма кроется, на наш взгляд, опасность слепой телеологии, заведомого признания целесообразности всего сущего в языке.

«Функция создает орган» – этот афоризм пришел в речевой обиход из физиологии и других наук, имеющих дело с живыми организмами. Конечно, время прямолинейного ламаркизма прошло, и связь между фактом и его ролью в целостной системе представляется сегодня более сложной. Во всяком случае, лингвисты формулируют эту зависимость мягче и осторожнее, например, так: необходимо «различать звуки как объективный физический факт, как представление и как элемент функциональной системы» (Тезисы 1967, 20). То же самое можно сказать о словах или о грамматических формах. Скажем, русская словоформа *морем* выполняет совершенно разные смысловые роли в таких контекстах, как *плыть морем* и *любоваться морем*, и сводить эти разные роли к единому («инвариантному») значению творительного падежа сегодня уже мало кто пытается. (Конечно, это не отменяет устоявшихся пред-

ставлений об именительном как падеже номинации, родительном – источника или части, дательном – получателя, творительном – орудия и т.п. Возможно, в дидактических целях такие обобщения даже полезны, ср. из новейшей литературы: «Каждый падеж имеет свое отчетливое значение» – Janda & Clancy 2002, 4.)

В свете сказанного не удивительно, что одни и те же языковые факты и категории получают в лингвистических описаниях весьма различную трактовку. Достаточно вспомнить, какие разногласия разделяют ученых по вопросу о сущности глагольного вида или о количестве и «смысле» залогов в славянских языках. Речевая практика также не дает достаточных оснований для того, чтобы однозначно выдвигать функциональную целесообразность в качестве решающего критерия классификаций.

Скажем, парадигму именного словоизменения в русском языке можно укладывать в шесть «классических» падежей, а можно доводить ее до 9- или даже 14-членной системы (за счет «второго родительного», «второго винительного», «второго предложного», «счетного», «звательного» и т.п.). Распределение существительных по трем родам можно объяснять историческими причинами, а можно – без обращения к истории – нуждами согласования (и тогда количество согласовательных классов возрастет с трех до пяти-семи).

И если целые классы словоформ, типа рус. *позади, наверху, поодаль, посередине, внутри, сбоку, мимо*, регулярно совмещают в себе роль наречия и предлога (создавая известную проблему для школьников), то естественно возникает вопрос: почему язык не находит для каждой синтаксической функции своей особой формы? Или же мы здесь имеем дело с естественным синкретизмом самих языковых единиц, который «неудобен» лингвисту и требует разведения в лингвистических моделях? Но тогда придется признать правоту исследователей, призывающих различать грамматику «натуральную», наивную, и грамматику «внешнюю», привносимую учеными и в чем-то уподобляющуюся интеллектуальной игре (см.: Żmigrodski 1997, 52–53). Во всяком случае, получается, что функциональная целесообразность – не единственное основание языковой системности.

Собственно говоря, функционализм как черта самого языка и не должен ограничиваться коммуникативной целесообразностью: он отражает и иные стороны жизни индивида и общества. Дело в том, что в значительном количестве случаев речевые сообщения не несут в себе информации в узком, «утилитарном» смысле слова, а служат иным целям: выражения эмоций, межчеловеческих отношений, сакральных и трансцендентных смыслов и т.п.

Герой песни Юлия Кима «Однажды в чудный вечер» пытается познакомиться с девушкой. И далее процитируем, с помощью каких речевых средств осуществляется заигрывание с «объектом»:

Утики путики сяся
Ерики чморики фу.
Вар вар вар вара Калуга
И не сказал ничего.
Значит, еще подождем.

Утики путики сяся – это «любовное воркование», своего рода *глокая куздра* на языке либидо (пусть и недостаточно морфологизованная). Бесполезно пытаться расшифровать ее лексически: это лишь имитация русской речи в определенных социолингвистических условиях – но она глубоко функциональна!

Нередко тот или иной языковой феномен, выглядящий бессмысленно с позиций теории коммуникации, обосновывает свое право на жизнь каким-то иным образом. В частности, стилисты совершенно правы, возражая против русских выражений типа *тридцать человек студентов* или *два часа времени*. Но и язык по-своему прав, продолжая эту тенденцию образования тавтологических сочетаний в новых единицах. Примечательны в данном плане просторечно-разговорные выражения в русском речевом обиходе вроде *шутка юмора* или *морда лица*. Если такое сочетание встречается в речи образованного человека (или пуще того, в печатном тексте!), мы без особых колебаний разглядим в нем сознательную «установку» на тавтологию. Иными словами, здесь вступает в действие новый фактор, прагматический: это отношение говорящего к адресату, своего рода игра, «подмигивание» собеседнику. Да и в самом деле, почему это «семантическое согласование», имеющее место в примерах типа *собака лает* или *нахлобучить кепку набекрень*, – это хорошо, а *болезнь гриппом* или *труп утопленника* – плохо?

Именно чрезвычайная сложность, многомерность и «разнонаправленность» языковой системы делает принципиально невозможным адекватное отражение ее функциональной природы в лингвистических описаниях. Поэтому еще раз подчеркнем: **функциональный характер самого языка и функционализм в науке – это разные вещи**. Функционализм (функциональный подход) в лингвистике предстает в виде совокупности субъективных попыток научно объяснить, оправдать именно такую, а не иную структуру языка, вскрыть внутреннюю логику его существования и устройства. Эти попытки представляют язык в удобном для пользователя (читателя) виде, но нельзя забывать, что любая модель упрощает и «приглаживает» объект, а потому истинная,

внутренняя целесообразность и мотивированность языковой системы остается недостижимой целью процесса познания.

Напомним также, что очень часто указанным набором социальных функций пытаются обусловить и диахронические изменения, происходящие в структуре, т. е., в конечном счете, развитие языка. Действительно, когда мы наблюдаем в языке какую-то тенденцию, велик соблазн мотивировать ее стремлением к улучшению функциональных свойств системы.

Однако «функциональные» объяснения диахронических сдвигов скорее похожи на оправдания задним числом, чем на готовность вскрыть собственную логику языкового развития. Дело в том, что исторические изменения в языке, преследующие, казалось бы, благородную цель уменьшения усилий общающихся (вспомним знаменитый принцип экономии А. Мартине!) и оптимизации коммуникации, на деле приводят к новым сложностям. Упорядочивая систему в одном месте, эти новации приводят к ее дезорганизации в другом фрагменте. Рационализация в одном звене порождает сумятицу, беспорядок в другом (см.: Норман 1973, 130–132; Норман 2004, 273–274). У языка – своя правда, свои тайные движущие силы, которые могут быть вскрыты, но при этом они обнаружат, скорее всего, неинтенциональную, непланомерную и неосознанную природу (ср. популярные в последнее время рассуждения о «процессах невидимой руки»: Lüdtke 1989, 131; Келлер 1997, 158–164 и др.). Приведем несколько примеров различного рода.

В частности, постепенное отмирание звательной формы свидетельствует, очевидно, о ее функциональной слабости, можно сказать – о нецелесообразности. И материал русского языка в данном плане весьма показателен. Сохранившиеся некротизмы, осколки звательных форм вроде *отче, старче, боже* и т.п., уже переродились и к вокативу имеют только историческое отношение. Однако неожиданный «всплеск» в разговорной речи так называемой новой звательной формы (*мам, Петь, дядь Вась!*) показывает, что данную коммуникативную интенцию рано списывать в архив.

Другой пример. Наблюдаемый за последние десятилетия рост употребительности глагольно-именных сочетаний типа *оказывать доверие, осуществлять попытки, производить продажу* и т.п., несомненно, имеет под собой функциональные основания: с помощью этих конструкций можно расчлененно выразить глагольную и именную семантику, точнее обозначить видовую характеристику действия, уточнить его качество (ср.: *оказывать высокое доверие* и т.п.), не говоря уже о стилистической маркировке обозначаемой ситуации (см. например: Федосюк 2007, 282–284). В то же время по сравнению с «исходными» однословными глагольными номинациями (*доверять, пытаться, продавать* и т.п.) аналитические номинации в чем-то проигрывают: они не

столь экономны и привносят с собой в обиходную речь оттенок ненужного канцеляризма.

Третий пример. Образование глаголов несовершенного вида в современном русском языке, как правило, происходит с помощью суффиксов (-а-, -ива- и др.). Но этот словообразовательный процесс сопровождается историческими чередованиями последней согласной основы (*обезводит* – *обезвоживать*) и чередованием фонем [о] и [а] в корне (*уломать* – *уламывать*). Последнее условие экспансивно захватывает все новые и новые основы. После уже сдавшихся на милость победителя *облагороживать* и *обуславливать* процесс идет с угрожающей быстротой. Еще у Пушкина было *оспоривать*, а у Чехова мы уже читаем *оспаривать*... Приведем также один пример из современной литературы: *Зато и любили же ее «климактерические»! Конечно, поваркивали, поскандаливали – без этого не бывает! – но в главном горой за нее стояли* (И. Грекова). Здесь *поваркивали* – вторичный имперфектив от *поворчать*. Появляются также глаголы *одалживать*, *задабривать*, *ознакамливать*, *заболачивать*, *унаваживать*, *перебарщивать*, *опорачивать*, *засталбливать*, *обезбалчивать*, *растамаживать*, *приурачивать*, *озабачиваться* и т.п. (На очереди, наверное, *облапашивать*, *уграбливать* и *просрачивать*...) В принципе и этим изменениям можно найти функциональное оправдание. Чередование в корне поддерживает словообразовательный процесс имперфективации, облегчает распознавание нового знака. Но при этом, несомненно, увеличивается количество формальных вариантов корня: рядом со *спор* появляется *спар*, с *долг* – *далж*, с *забот* – *забач*, с *болот* – *болач*, со *столб* – *сталб* и т.д.

Подобное противодействие внутриязыковых тенденций имеет место в самых разных языках мира. М.М. Копыленко связывал его с антиномией говорящего и слушающего и приводил пример, очень близкий нашему. В немецком языке образование существительных со значением лица на -er очень часто сопровождается умлаутированием гласного в корне: *Kunst* – *Künstler*, *Topf* – *Töpfer*, *kaufen* – *Käufer* и т.п. «Умлаутирование выгодно говорящему, ибо оно уменьшает разнообразие усилий» [за счет регрессивной ассимиляции – Б.Н.], ...«слушающему же умлаутирование невыгодно, ибо оно увеличивает разнообразие сигналов» (Копыленко 1996, 10). В конечном счете это противоречие должно разрешиться некоторым компромиссом – и так оно в реальности и происходит.

Поэтому на «функциональные» объяснения диахронических процессов следует смотреть с определенной долей скепсиса, не смешивая позицию наблюдателя с позицией виртуального взгляда «изнутри» объекта и не забывая об условном характере лингвистического моделирования.

Но особо следует выделить роль, которую играет **функционализм в лингводидактике**. Дело в том, что при всех разночтениях, связанных с термином «функция» в лингвистической науке, и при всех отвлеченных, свойственных функциональному подходу, можно считать, что «отличительной чертой функционализма является связь с языковой практикой и в первую очередь с преподаванием языков» (Веденина 1978, 82). Итак, нас будет интересовать: как отражается «языковая телеология» в процессе преподавания языка? Какие ограничения накладывает функционализм на отбор и представление речевого материала?

Прежде всего ориентация на функциональный подход неизбежно приводит к ранжированию всего речевого материала – в фонологии, морфологии, лексике, синтаксисе – по степени его репрезентативности: к делению его на «центральную» (ядерную) и «маргинальную» (периферийную) части.

Рассмотрим это вначале на примерах из фонологической области (уровня), которая, хотя бы в силу немногочисленности своих единиц, является наиболее наглядной и «операциональной». Ключевым понятием (введенным, как известно, Н.С. Трубецким) является здесь фонологическая оппозиция. Именно она служит основанием для выделения фонем. Это пары слов (словоформ), которые различаются только одним своим звуковым элементом, вроде русских *том* – *дом* или *кураца* – *щуриться*. Как бы само собой подразумевается, что слова, образующие фонологическую оппозицию, должны быть опознаваемы и знакомы учащемуся как полноценные языковые единицы: иначе критерий смысловоразличения не «сработает». В данном плане пары вроде *пис* – *плёс* или *тапир* – *тапёр* оказываются «мертвыми», искусственными: носитель языка может просто не знать этих слов! Во всяком случае, такие пары значительно менее показательны, чем, допустим, пары *побрил* – *побрёл* или *щит* – *счёт*, входящие в активный словарный запас учащегося и знакомые ему по речевой практике.

Однако функциональный подход напоминает: фонемы – не искусственные конструкторы, они должны «работать» в системе языка! Последнее условие проявляет себя в несколько неожиданных ситуациях редких или уникальных оппозиций. Скажем, при выяснении фонологического статуса согласных [к'], [г'], [х'] в русском языке встает вопрос: достаточно ли их участия в парах типа *кури* – *кюри* или *Кувейт* – *кювет* для того, чтобы говорить о мягких заднеязычных как самостоятельных фонемах? С функциональной точки зрения – нет, ибо вероятность того, что данные два слова встретятся в одинаковом контексте и звуки [к] – [к'] реализуют свою смысловоразличительную функцию, ничтожно мала. И дело даже не в том, что одно из слов (или оба) заимствовано из другого языка. В этом отношении и пары типа *кот* – *ткёт*, при всей их «исконности» для русского языка, оказываются в каком-то

смысле искусственными: они интересны для фонолога, но по большому счету бесполезны для носителя языка! Вряд ли они в какой-то ситуации будут определяющими для понимания смысла высказывания. Смыслоразличительная функция фонемы с позиций функционализма действительно производна от смысла, и это заставляет настороженно относиться к «кандидатам в фонемы».

Функциональный подход предъявляет свои требования и к изложению лексического материала. Это означает, что учет частоты употребления слова, его стилистической характеристики, культурных, идеологических и иных коннотаций прямо связан с задачами усвоения и особенностями дальнейшего употребления лексики. В научной литературе неоднократно указывалось: первая тысяча самых частых слов покрывает собой примерно 85% любого текста на данном языке. Это значит, что достаточно выучить 1000 слов иностранного языка (но не каких попало, а самых частых) для того, чтобы понимать любой текст на этом языке! И если наш школьник или студент сегодня сталкивается в данном плане со значительными трудностями, то, может быть, он просто **не те** слова учит – или же **не так** учит (ибо, по меткому выражению М.В. Всеволодовой, лексика в словаре только ночует, а «днюет», работает она в синтаксисе)?

Кроме того, возникает опасение: не создают ли сложившиеся принципы отбора лексического материала своего рода феномен розовых очков, сквозь которые учащийся должен смотреть на мир? Ведь в учебных текстах нет насилия и алкоголизма, нет неполных семей и национальной розни, нет зависти и ненависти. Здесь мама старательно моет раму, дом строится рабочими, а Волга впадает в Каспийское море... С одной стороны, это понятно: тексты не должны учить плохому. Но, с другой стороны – готовят ли они учащегося к вхождению в жизнь, в коммуникативную практику?

Попробуем показать это еще на одном примере. В лингводидактической литературе встречаются задачи, основанные на системном характере лексического значения. Например, учащемуся (школьнику или студенту) предлагается ряд слов, из которых нужно выбрать (удалить) одно, лишнее слово. Часто задача так и называется: «Четвертое лишнее». И вот такая любопытная версия этой задачи предлагается в учебном пособии по русскому языку для финских студентов – в вводном курсе CD-ROM «Капуста» (Мустайоки 2000, 163–166):

Кто/что не входит в эту группу?

скульптор, вентилятор, оператор, инспектор
экватор, прожектор, генератор, трансформатор

...

терапия, анемия, аллергия, малярия
мигрень, склероз, психоз, шизофрения
...
форель, альбатрос, таймень, хариус
гитара, саксофон, фагот, кларнет
...
Норвегия, Германия, Португалия, Финляндия
Шолохов, Пастернак, Бунин, Трифионов
Верди, Малер, Вагнер, Моцарт
и т.д.

Понятно, что решение подобных задач требует от учащихся не только языковых, но и, как признается сам автор пособия, «общих энциклопедических знаний». Надо знать, например, что музыкальные инструменты делятся на духовые, струнные, смычковые, клавишные и т.д., а государства бывают республиками, монархиями (королевствами), они входят в те или иные союзы и т.п.; читатель в таком случае должен поднапрячь свои интеллектуальные способности. Но, собственно, входит ли это в его задачи, если считать, что перед ним – задание по русскому языку?

Данный вопрос имеет и более общее культурологическое наполнение. Ведь, строго говоря, значительная часть слов, имеющих хождение в обществе, опознается носителями языка как принадлежащие данному языку, но не понимается. Такие слова с недавних пор принято называть агнонимами; в качестве примера можно было бы привести русские лексемы типа *башлык*, *сикурс*, *брандахлыст*, *целибат*, *арабеска*, *фанаберия*, *сиверко*, *сусек*, *каурый* и т.п. или, из современной жизни, *диаспора*, *харизма*, *ипотека*, *унитарный*, *фискальный*, *секвестр* и т.п. Составляются целые словари таких «полузнакомых» или «полузабытых» лексем (например: Макаров, Матвеева, 1993; Морковкин, Морковкина 1997 и др.). Понятно, что подобные лексические маргиналии дополняют собой систему данного языка, и в них (или через них) система реализует себя с такой же очевидностью, как через «ядерную» часть. В то же время никто не будет отрицать, что использование соответствующей лексики на языковых занятиях (неважно, по родному или по иностранному языку) малопродуктивно в коммуникативном плане и неэкономно в плане времени.

Лингводидактический функционализм оправдывает себя и в морфологии. Так, реальная частота употребления русских падежных форм и их различительная сила уже не раз заставляла задуматься: в «правильном» ли порядке расположены они в привычной для нас парадигме? (см.: Chvany 1996, 186–187; Копотев 2008). Впрочем, думается, что место падежа в общей последовательности изложения не так уж важно.

Но несомненно то, что русские падежи отчетливо распадаются на три группы: «частые» (И, Р, В), «редкие» (Д, Т, П) и «раритетные» (все остальные, вроде «второго винительного» и т.п.). При этом последняя группа (обоснованная в системе, но требующая для своей реализации определенных условий) подвергается естественной дискриминации в дидактическом процессе: до нее если и доходят руки, то в последнюю очередь.

В систематизации синтаксических моделей в лингводидактике тоже постепенно побеждает функциональный подход. Сама последовательность представления структурных схем предложения строится обычно от более простых, частотных, активных – к более сложным и редким. Модели стилистически окрашенные или лексически связанные (фразеологизованные) отходят здесь на второй план. Функциональный синтаксис учит, что семантика каждого слова, участвующего в высказывании, должна оцениваться с точки зрения того, насколько она соответствует типовой синтаксической роли. Изосемия (по терминологии Г.А. Золотовой) становится важнейшим инструментом лингвистического описания. Скажем, в ситуации ‘Кто-то или что-то передвигается из одного места в другое’ лексемы, занимающие позицию первого актанта, можно ранжировать примерно следующим образом: *я – он – сосед – машина – велосипед – забор* и т.д. (ср.: Palmer 1994, 30 и др.). И хотя в нашем материале имеются и примеры типа *Город уехал* (В. Набоков), *Велосипеды уезжали* (Л. Петрушевская) или *Поезд набрал скорость, стакан подъехал к бутылке* (М. Шишкин), понятно, что они составляют периферийную зону выражения субъекта движения. А наиболее показательными и естественными (требующими наименьшего контекстуального комментария) являются как раз фразы *Я уехал* или *Сосед уехал*, с субъектом, называющим лицо.

В чем же заключаются преимущества функционального подхода в лингводидактике?

Во-первых, при преподавании языка можно «закрывать глаза» на какие-то редкие и «портящие картину» явления. В этом смысле лингводидактика «выпрямляет» язык, делает его более упорядоченным, чем он есть на самом деле. Скажем, при изложении системы русских падежей случаи типа *пойти в дворники*, как правило (по крайней мере в школьном курсе), не рассматриваются – иначе пришлось бы менять сложившееся представление о категории одушевленности или же о природе именительного падежа.

«Не замечаются» при преподавании русского языка и другие грамматические маргиналии – такие, как рефлекс двойственного числа. Речь идет не об образованиях типа *бока, рога, рукава, берега* (давно утративших значение двойственности и положивших начало новому типу плюральных форм) и не о сочетаниях существительных с числи-

тельными 2, 3, 4 (воплощающих в себе особую категорию «паукальности»), а об аналитических глагольных формах с частицами *давай*, *давайте*. Первая из них, как известно, сигнализирует побуждение к совместному действию двух лиц (включая говорящего): *давай споем*, в то время как вторая – то же побуждение применительно к большему числу участников: *давайте споем* (см.: Храковский 2001, 196–198).

Во-вторых, руководствуясь теми же благими целями «улучшения системы», лингводидактика может в чем-то «покривить душой». В частности, иногда бывает методически выгодно объединить под одной крышей разные явления, затушевав сущностные различия между ними. Так, в учебниках русского языка вопросительные и относительные местоимения обычно описываются как единый класс, хотя функциональные различия между ними подтверждаются формально – особенностями участия в интонационной и позиционной структуре предложения (не говоря уже о том, что существует специфически относительное местоимение *каковой*, а у некоторых вопросительных местоимений, например *что* и *который*, есть дополнительные особенности употребления в роли союзных слов).

Понятно, что чем большую функциональную нагрузку имеет языковая единица в речи, тем более она важна для языковой системы. Функционализм в лингводидактике направлен против искусственных или нежизнеспособных категорий, маргинальных или избыточных единиц. Его рациональное зерно и исследовательский пафос сводится к тому, чтобы исходить из реальности речи и эффективности использования языковых средств. И это, несомненно, продуктивный подход. Принцип ранжирования, деления на относительный «центр» и относительную «периферию» означает в лингводидактике не только отграничение высокочастотных языковых феноменов от низкочастотных, но выявление базы системообразующих категорий, граммем и форм, определяющих сущность данного языка и специфику его использования.

Этот подход позволяет также по-новому взглянуть на проблему нормы в ее конкретных проявлениях, особенно когда речь идет о сравнительно редких и маловажных явлениях (напомним, применительно к современному русскому языку, такие трудности, как склонение составных числительных типа *тысяча семьсот шестьдесят пять*, образование форм косвенных падежей слов *оба* и *обе*, способ включения в состав фразы деепричастных оборотов и сочетаний с местоимением *свой* и т.п.). Дидактический функционализм имеет право голоса в дискуссиях о будущем языковой нормы.

Однако тот же самый подход ставит на повестку дня теоретические задачи, которые на сегодняшний день не могут считаться решенными, а, может быть, являются принципиально неразрешимыми, отражая извечные языковые антиномии. Это, в частности:

Сохраняется ли системный характер языка при минимизации его описания?

Дает ли ядро (центральная часть) функционально-семантического поля достаточное представление обо всем поле?

Насколько функционально (на синхронном срезе) варьирование плана содержания и плана выражения языковых единиц? Целесообразно ли оно с точки зрения внутренней логики языковой системы?

Если функция не находит себе соответствующего (однозначного и стандартного) формального соответствия, то можно ли ее трактовать как полноценную функцию?

Оставив эти вопросы для дальнейших размышлений, попробуем подвести некоторые итоги, касающиеся функционализма в лингвистике. Функциональный подход в языкознании «в чистом виде» затруднителен по крайней мере по двум причинам. Во-первых, у языка много функций и иногда, скажем, эстетическая или фатическая «заглушает» или полностью «зачеркивает» коммуникативную. Во-вторых, язык – настолько сложная (многокомпонентная и многоуровневая) система, что при его функционировании неизбежно возникают внутренние «сбои», явления, обусловленные самой сложностью структуры. Здесь соседствуют отмирающие и нарождающиеся явления, и объяснить их взаимодействие только «разумными», коммуникативными причинами невозможно. В математике известен закон больших чисел, по которому совокупное действие большого числа факторов приводит к непредсказуемому результату. И хотя этот принцип отражает взаимодействие случайных факторов, думается, что в определенном смысле он применим и к языку: и тут недостаточная упорядоченность есть проявление диалектической связи между случайностью и необходимостью.

Адрес электронной почты автора: norman@bsu.by

Литература

- Веденина, Л.Г. 1978. Функциональное направление в современном зарубежном языкознании. *Вопросы языкознания*. № 6. 74–84.
- Данеш, Ф. & К. Гаузенблас. 1969. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств. В кн. В.Н. Ярцева, Н.Ю. Шведова (ред.), *Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие*, 7–20. Москва: Наука.
- Дресслер, В.У. 1990. Против неоднозначности термина «функция» в «функциональных» грамматиках. *Вопросы языкознания*. № 2. 57–64.
- Келлер, Р. 1997. *Языковые изменения. О невидимой руке в языке*. Изд. 2-е. Самара.
- Киклевич, А.К. 1999. *Лекции по функциональной лингвистике*. Минск: Белорусский государственный университет.

- Киклевич, А. 2006. Функциональный подход в парадигмах философии языка. *Лужнословенски филолог* LXII. 169–194.
- Копотев, М. 2008. Построение частотной грамматики русского языка: падежная система по корпусным данным. В кн. А. Мустайоки и др. (ред.), *Современная корпусная лингвистика* (Slavica Helsingiensia 34), 136–151. Хельсинки.
- Копыленко, М.М. 1996. Мотивация как фактор развития языка. *Русистика сегодня*. № 4. 3–16.
- Макаров, В.И. & Н.П. Матвеева. 1993. *От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы*. Москва: Подиум – Былина.
- Михневич, А.Е. 1985. Языковые потребности человека и общества (к постановке проблемы). В кн. П.П. Шуба (отв. ред.), *Русский язык*. Вып. 5, 3–34. Минск: Университетское.
- Морковкин, В.В. & А.В. Морковкина. 1997. *Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)*. Москва: Институт русского языка им. А.С. Пушкина.
- Мустайоки, А. 2000. Новые методические приемы в составлении учебного материала по русскому языку в Финляндии. В кн. *Лингводидактический поиск на рубеже веков. Юбилейный сборник*, 155–184. Москва: Институт русского языка им. А.С. Пушкина.
- Мустайоки, А. 2006. *Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам*. Москва: Языки славянской культуры.
- Норман, Б.Ю. 1973. О рациональности и иррациональности лексического знака. В кн. А.Е. Супрун (ред.), *Проблемы лексикологии*, 124–132. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина.
- Норман, Б.Ю. 2004. *Теория языка. Вводный курс*. Москва: Флинта – Наука.
- Тезисы Пражского лингвистического кружка, 1967. В кн. Н.А. Кондрашов (ред.). *Пражский лингвистический кружок*, 17–41. Сборник статей. Москва: Прогресс.
- Федосюк, М.Ю. 2007. Типы русского простого предложения в ономаσιологическом аспекте. *Вопросы культуры речи*. Вып. 9, 276–302. Москва: Наука.
- Храковский, В. 2001. Дуалис в императиве (архаика и новации) // Количественность и градуальность в естественном языке. В кн. А. Kiklevič (ed.). *Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*, 191–200. München: Verlag Otto Sagner.
- Шелякин, М.А. 2002. *Язык и человек (К проблеме мотивированности языковой системы)*. (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VII). Тарту.
- Chvany, Catherine. V. 1996. Hierarchies in the Russian case system: for N-A-G-L-D-I, against N-G-D-A-I-L. В кн. Olga T. Yokoјama & Emily Kleinin (eds.), *Selected essays of Catherine V. Chvany*, 175–187. Columbus OH: Slavica Publishers, Inc.
- Furdal, A. 1977. *Językoznawstwo otwarte*. Opole.
- Jachnow, Helmut. 1987. Sprachfunktionsforschung. В кн. U. Ammon, N. Dittmar & K.J. Mattheier (eds.), *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, 612–626. First Volume. Berlin – New York: Walter de Gruyter.
- Janda, Laura A. & Clancy, Steven J. 2002. *The Case Book for Russian*. Bloomington: Slavica Publishers.
- Lüdtke, Helmut. 1989. Invisible-hand processes and the universal laws of language change. В кн. Leiv Egil Breivik & Ernst Håkon Jahr (eds.), *Language Change. Contributions to the Study of Its Causes* (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 43), 131–136. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.

- Palmer, Frank R. 1994. *Grammatical Roles and Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zawadowski, L. 1966. *Lingwistyczna teoria języka*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Żmigrodski, P. 1997. Gramatyka jako gra. В кн. E. Jędrzejko & U. Żydek-Bednarczuk (eds.), *Gry w języku, literaturze i kulturze*, 51–57. Warszawa: Energeia.